

БАНКИ И РАСПУТИН.

Несмотря на крупнейшее влияние на Романовых Распутина, перед которым во многом ступеньвается роль их самих, нельзя преувеличивать размеры того воздействия, которое Распутин, как отдельное лицо, мог иметь на направление общей политики государства. Если он, в известных пределах, и оказывал влияние на отдельные извороты правительственной политики, то опять-таки не столько лично, как Распутин, а главным образом, как передаточный рычаг от тех, более внушительных сил, которые стояли за ним и воздействовали на него. Это — различные агенты финансового капитала, начиная с лиц такого масштаба, которые были связаны с европейскими трестами, и кончая мелкими спекулянтами закулисной «черной биржи». Здесь, несомненно, был основной нерв распутинской группы, отражавший через Распутина свое влияние на политику.

Эти банковские и биржевые дельцы инспирировали Распутина в различных вопросах политики, сообразно с тем, что приписывали им интересы их финансовых операций. Распутин, непрекращаемым тоном пророка, вещал эти директивы биржевых дельцов А. Ф. Романовой, которая воспринимала приказания Распутина, как откровение, и обычно без большого труда добивалась от Николая исполнения воли «божьего человека».

Такова, в общем, может быть схема непосредственной роли Распутина в политике последнего периода монархии, и в настоящем очерке будут приведены различные факты, показывающие, как на различных правительственных мероприятиях и назначениях отражалось воздействие окружавших Распутина банковских и биржевых дельцов.

Вместе с тем настоящий очерк преследует цель определить то промышленно-банковское ядро, которое стояло в центре государственной машины монархии и оказывало решающее влияние на направление политики Романовых.

Эпизоды, о которых мы будем говорить в настоящей главе, связаны с «деятельностью» придворного афериста князя Андроникова, при энергичном участии которого был, после разгона в сентябре 1915 г. Государственной Думы, найден новый «спаситель отечества» А. Н. Хвостов, назначенный 26 сентября министром внутренних дел: ¹ нам придется здесь говорить о нескольких обстоятельствах, связанных с карьерой этого последнего. Но имена Андроникова и Хвостова влекут за собой еще третье имя — директора Соединенного банка графа Татищева, о котором мы также скажем в этой главе.

В это время, когда Распутин уже достиг своего полного могущества, Андроников, в сущности, стал самым близким к нему человеком; однако, влияние Андроникова продолжалось недолго: в январе 1916 г. он был заподозрен вместе с А. Н. Хвостовым в покушении на Распутина, — и вследствие этого как последний, так и А. Ф. Романова, порвали всякие с ним связи.

Официальной профессии Андроников не имел никакой ² и движущим мотивом всей своей обширной «общественной деятельности» ³ он считал патристические мотивы; на вопрос, что он представляет собой по профессии, Андроников гордо отвечал: «Гражданин, желающий как можно больше принести пользы», — или же, что он «человек в настоящем смысле этого слова, интересующийся всеми вопросами государственной жизни, близко принимающий все и желающий принести как можно больше пользы». ⁴

Сообразно с такими целями, Андроников считал своим долгом вести знакомство со всеми министрами, переносить сплетни от одного из них к другому, давать им свои указания, подносить постоянно каждому новому министру икону (а жене министра букет) и, наконец, для большего успеха своей деятельности, он стал даже издавать в 1916 г. журнальчик «Голос Русн» (в духе «Гражданина» князя Мещерского).

Естественно, что Андроников занимался вместе с тем и коммерческими предприятиями: сначала пытался организовать «мар-

¹ Бывший нижегородский губернатор, член Госуд. Думы фракции «правых».

² Если не считать, что он «состоял» чиновником особых поручений сначала при министерстве внутренних дел, а потом при синоде.

³ Так именно он сам определял свою деятельность — см. «Падение царского режима», т. II, стр. 11.

⁴ Там же.

гандевое предприятие» на Кавказе, а потом, во время войны, был занят «крупной операцией по покупке, при содействии военного министра Сухомлинова, на акционерных началах, в Бухаре и Хиве больших земельных площадей, прилегающих к речным артериям».¹

Этих данных нам пока достаточно, и мы прямо перейдем к вопросу о том, как проведена была Андрониковым кандидатура Хвостова в министры.

В переписке Романовых, которая является лучшим источником для выяснения тогдашних политических махинаций, упоминание о кандидатуре Хвостова мы встречаем впервые в письме А. Ф. к Николаю от 22 августа 1915 г.

«Я надеюсь,—пишет А. Ф.,—что Горем(ыкин) одобрит назначение Хвостова — тебе нужен энергичный министр внутренних дел; если он окажется неподходящим, можно будет его позднее сменить, — беды в этом нет. Но, если он энергичен, он может очень помочь, и тогда со стариком² нечего считать. — Если ты его берешь, то телеграфируй мне «хвост (thail) годится», и я пойму».³

Однако, еще не получив ответа Николая, А. Ф. узнала, что Горемыкин не склонен одобрить назначение Хвостова:

«Относительно Хвостова,— писала А. Ф. Николаю, — он (Горемыкин) думает, что лучше не надо его. Он в думе выступал против правительства и германцев⁴ (он племянник министра юстиции), находит его слишком легкомысленным и не совсем верным в некоторых отношениях».⁵

Николаю, видимо, тоже не хотелось назначать Хвостова: повлиял ли здесь довод Горемыкина, что Хвостов не желателен, так как «выступал против правительства и германцев», или Николай просто боялся назначать энергичного человека — нам это неизвестно.

Нам известно только то, что уже за несколько времени до того, как были писаны цитированные письма, сама А. Ф. была убеждена в больших достоинствах Хвостова; это объясняется тем, что Андроников, летом 1915 г. особенно сблизившийся с Распути-

¹ Протоколы Следственн. комиссии, 4-й допрос Беледкого; также показания Андроникова — «Падение царского режима», т. I, стр. 24.

² Горемыкин.

³ «Переписка», т. III, стр. 253.

⁴ Подчеркнуто нами.

⁵ «Переписка», т. III, стр. 256.

ным, проник через него в особое доверие к Вырубовой и повел там агитацию в пользу назначения министром внутренних дел Хвостова, а товарищем его — Белецкого,¹ и, как видим, эта агитация была настолько убедительна, что А. Ф. выставила перед Николаем кандидатуру Хвостова еще в то время, когда ни она, ни Вырубова его лично не видали.

Уже позднее Андроников лично привез Хвостова к Вырубовой, и последняя была очарована. Об этом А. Ф. сообщала Николаю в письме от 29 августа:

«Любимый мой, — писала она, — А. (Вырубова) только-что видела Андр(оникова) и Хвостова, — последний произвел на нее прекрасное впечатление (старик ² против него, я же его не знаю, и потому не знаю, что сказать). Он очень тебе предан, говорил с нею спокойно и хорошо о нашем Друге, рассказал, что на завтра готовится запрос в Думе о Гр(игории): просили подписи Хвостова, но он отказал и заметил, что, если этот вопрос будет поднят, то амнистия не будет дарована. Они подумали — и опять отказались от запроса. Он рассказал такие ужасы про Гучкова. Был сегодня у Горем(ыкина), — говорил про тебя, что ты спас себя, приняв командование — Хвост(ов) поднял вопрос о германском засилье и дороговизне мяса, чтобы левые их не поднимали. Теперь, когда это обсуждается правыми, это безопасно. — Вообще она им очарована».³

После того как Вырубова была так очарована Хвостовым, А. Ф. повела перед Николаем энергичнейшую агитацию в пользу его назначения; каких только доводов ни выставляла А. Ф., чтобы его выдвинуть: «Хвостов, — говорила она, — надеется все наладить через 2—3 месяца», он будет защищать «нашего Друга» и, следовательно, «бог благословит его работу», Николай бы, — уверяет А. Ф., — «наслаждался» работой с этим человеком, и, кроме того, как оказывается, именно он, Хвостов, просил, чтобы ремонтировали раку преподобного Павла Обнорского; — в общем «он самый подходящий человек, и наш Друг об этом намекал А.⁴ в своих телеграммах».

Когда же и сама А. Ф. увидела Хвостова, то она прямо в восторг пришла: «Благословляю и целую тебя без конца, — писала она Николаю, — Хвостов меня освежил, я не падала

¹ Протоколы Следств. комиссии, 4-й допрос Белецкого.

² Горемыкин.

³ «Переписка», т. III, стр. 283.

⁴ Вырубова.

духом, но жаждала, наконец, увидеть «человека», а тут я его видела и слышала».¹

Все эти расхваливания и убеждения повторялись почти в каждом письме к Николаю в течение месяца, и, наконец, Хвостов, как и следовало ожидать, был назначен министром.

Мы не сообщаем здесь всех отзывов относительно Хвостова — из писем А. Ф.: приведенных цитат достаточно, чтобы установить ее роль в этом деле. Но нас больше интересует другой вопрос: почему Андроников так старался об этом назначении, почему он лично возил Хвостова к Вырубовой, писал о нем, убеждал в его необыкновенных достоинствах?² Каков, в конце концов, был побудительный мотив самого Андроникова?

Ответ мы находим в его собственных показаниях: оказывается, Андроников был восхищен речью Хвостова в Государственной Думе о «немецком засилье» (произнесенной 3 августа 1915 г.), и именно эта речь возбудила в нем великую симпатию к Хвостову.

«... После речи Хвостова в Государственной Думе, — говорил Андроников, — которую я прочел, мне чрезвычайно понравилось, что явился человек, который энергично открывает глаза на все, и я искал случая с ним познакомиться. Я высказал желание познакомиться. Тут как тут — Червинская: «Помилуйте, это мой друг по Мариенбаду. Я вас с ним познакомлю...». — «Пожалуйста!». Она его пригласила к себе, и мы познакомились».

Затем, «совершенно случайно», после этой речи в Думе, Андроников заговорил о Хвостове у Вырубовой; ей речь тоже понравилась: «Какой он умный, — восхищалась она, — как хорошо все знает!». И Вырубова выразила при этом желание повидать Хвостова; а дальше дело вступило на хорошие рельсы, и Хвостов стал министром.³

Таким образом, начало этой, проведенной Андрониковым, карьеры идет от речи о немецком засилье, где Хвостов говорил

¹ «Переписка», т. III, стр. 364 и др.

² Андроников даже оспаривал у Распутина честь назначения Хвостова: «Меня злило, — говорит Андроников, — когда Распутин говорил: «Я назначил Хвостова, я назначил Беледкого...». Это была неправда, потому что Хвостов был назначен 24 — 25 августа, а Распутин приехал в сентябре...». («Падение царского режима», т. I, стр. 379.) Правда, здесь Андроников сам ошибается, потому что Хвостов был назначен в этих числах не августа, а сентября.

³ «Падение царского режима», т. I, стр. 379 — 381.

про немецкие банки и синдикаты;¹ Хвостов предполагал, кроме того, еще более развить позднее эту последнюю тему в другой речи, при чем имел в виду обратить преимущественное внимание на немецкие капиталы в русской электротехнической промышленности, так как Хвостов, — по его словам, — убедился, что именно «около этой электрической промышленности зарыт немецкий капитал, который влиял косвенно на немецкий шпионаж». Особенно, в связи с этим, интересовал Хвостова вопрос об «Электрическом Обществе 1886 года», а также о различных военных заказах, исполнявшихся фирмами «Сименс и Шуккерт», «Сименс и Гальске», а также «Всеобщей Компанией Электричества».² Об этом намерении Хвостова было, конечно, известно в думском кругу.

По ходу нашей темы, нам придется теперь остановиться на вопросе о том, что представляло собой это «Электрическое Общество 1886 года». Что это общество являлось германским предприятием, — в этом никогда не было сомнения;³ «Общество» это было не более как одной из составных частей знаменитого германского концерна «Сименс-Гальске» («Siemens & Halske Aktien-Gesellschaft in Berlin»)⁴ Акции «Общества 1886 г.» на русской бирже вовсе не котировались, а котировались только на берлинской бирже, при чем интересы акционеров обслуживались в Берлине «Deutsche Bank» и «Bank für Handel und Industrie».⁵ Вместе с тем «Общество 1886 г.» было связано с Петроградским Международным Коммерческим банком, также «работавшим» при крупном участии германского капитала.⁶

¹ В своей речи Хвостов более подробно остановился на роли германского капитала в русской нефтяной промышленности, отчасти коснулся, в связи со своей темой, русских частных банков и Путиловского завода; в остальном речь Хвостова содержала обычные, трафаретные суждения «правых» о колонистах и немцах вообще («Стенографический отчет Государственной Думы», заседание 3 августа 1915 г.).

² «Падение дарского режима», т. I, стр. 5—6.

³ В первом же заседании совета министров, рассматривавшем этот вопрос, было установлено, что это чисто-германское предприятие (показания в Следств. комиссии Челнокова). — В июне 1915 г. совет министров признал деятельность этого общества «вредной для государственных интересов», — об этом тогда же сообщалось в газетах (см., например, «Речь» от 6 июня 1915 г.).

⁴ Об этом см. здесь в приложениях к последнему очерку.

⁵ См. книгу П. В. Оля «Иностранные капиталы в России». Издание Института Экономических Исследований при Н. К. Ф. П. 1922, стр. 84 и 194.

⁶ Об этом см. здесь, глава 4.

В пределах России германское общество «Сименс-Гальске» действовало совместно с другим крупнейшим германским трестом «Всеобщая Компания Электричества» (A. E. G.); кстати сказать, два эти германских треста, вместе с подобным же американским трестом, поделили между собою электрическую промышленность всего мира.

Учитывая германский характер «Общества 1886 г.», может стать вполне понятным, почему Андроников, как яркий патриот, постарался привлечь к власти Хвостова: ясно, что последний, согласно ведшейся правительством борьбе с «немецким засильем», мог бы пригодиться в этом деле. Понятно, что и А. Ф. Романова, и Вырубова, как истинные патриотки, всеми силами старались поддержать кандидатуру Хвостова.

Такое объяснение вытекает вполне естественно. Но это только так кажется. Дело принимает совсем другой оборот, и «патриотизм» Андроникова получает совсем иную окраску... Оказывается, сам Андроников является не кем иным, как радетелем интересов этого «Общества 1886 года»...

Однако, раньше, чем говорить об этом, надо сделать маленькое пояснение: дело в том, что ликвидации «Общества 1886 года», как германского предприятия, настойчиво добивалась московская буржуазия, в лице городской думы, — добивалась на том же самом основании, по которым были ликвидированы другие германские предприятия; однако, правительство, несмотря на все настояния московской думы, так и не ликвидировало «Общества 1886 г.». И это, несмотря на всю ту травлю, которая шла не только против германских предприятий, но и против отдельных немцев и полунемцев... Это объясняется тем, что у «Общества 1886 г.» нашлась сильная защита, и наиболее энергичным защитником его в 1915 году был как раз Андроников.

Относительно роли его в этом деле говорит тот самый Белецкий, которого Андроников, одновременно с назначением Хвостова, поставил в товарищи министра.

Белецкий, со слов самого Хвостова, в свое время узнал, что «явно неблагоприятное отношение Горемыкина к неоднократным настойчивым просьбам московской городской думы о передаче городскому общественному управлению «Общества электрической энергии 1886 г.» объясняется далеко небескорыстными комиссионными услугами, оказанными «Обществу» со стороны князя Андроникова».

Однако, Хвостов, по своем вступлении в должность, выразил намерение вновь возбудить в совете министров вопрос о необходимости удовлетворить ходатайство московского городского управления и просил Белецкого разъяснить, какое это произведет впечатление на Горемыкина и на Андроникова.

«Когда я, — говорил Белецкий, — при первом свидании с князем Андрониковым, сказал ему о полученной А. Н. Хвостовым в Москве просьбе городского общественного управления о передаче в пользование последнего всех предприятий «Общества» и о том, что А. Н. Хвостов предполагает своим заступничеством за московские городские интересы показать не только ведомственную политику в отношении его к интересам городов, но и наглядно оттенить этим его первые начинания в государственном вопросе борьбы с немецким засилием, то князь Андроников растерялся, начал объяснять, что это не немецкое, а швейцарское предприятие, показал мне брошюры, в этом направлении изданные, и сказал, что если А. Н. Хвостов начнет снова поднимать этот вопрос в совете министров, то Горемыкин ни за что этого не допустит, так как Горемыкин составил об этом деле себе иное представление; прося моего воздействия на А. Н. Хвостова, (Андроников) заявил, что, если А. Н. Хвостов хочет с ним окончательно разойтись, то пусть попробует идти в этом деле против Горемыкина, но он, князь, думает, что А. Н. Хвостов настолько умный человек, что учтет все обстоятельства и не станет ссориться с ним, князем, и Горемыкиным, на что он, князь Андроников, и сам ему, Хвостову, укажет. Затем я, — говорит Белецкий, — будучи у Горемыкина через день, в той же форме, что и князю Андроникову, передал Горемыкину о существе намерений А. Н. Хвостова в деле «Общества 1886 г.» и тоже увидел, что при всей выдержанности этого человека, производившей на многих, мало его знающих, впечатление полного безразличия к делам государственного порядка, Горемыкин проявил нервную восприимчивость к этому моему докладу: Горемыкин, показав мне журнал совета министров, заявил, что он не позволит вновь обсуждать этот вопрос и что, в случае выступления А. Н. Хвостова в совете по поводу пересмотра этого дела, он должен будет обратиться к государю».

Из дальнейших слов Белецкого видно, что он передал обо всем этом Хвостову, отметив при этом, что, «судя по всему, действительно, ему, А. Н. Хвостову, придется считаться с последствиями своего выступления в совете по этому делу»; вместе

с тем Белецкий сообщил и Андроникову, что его с ним разговор он передал Хвостову, при чем Андроников отвечал, что он, после этого разговора, уже «лично говорил с Хвостовым и думает, что А. Н. Хвостов не будет по этому вопросу выступать в совете». ¹

Эти данные позволяют уяснить, какова была цель рекомендации Андрониковым в министры Хвостова: цель была та, чтобы, во-первых, парализовать возможность его выступления в Думе против этого «Общества» и других германских трестов, и, во-вторых, подкупив Хвостова министерской карьерой, найти в нем посредством этого такого человека, который, в качестве министра, не смел бы пойти против интересов этого «Общества».

Это потом признал и сам Хвостов. Указывая на цель его назначения министром, он говорил:

«Цель была та, чтобы меня взять в среду правительства, с тем, чтобы не было выступлений о немецких капиталах и, главным образом, об электрических предприятиях». ²

К этому надо только добавить, что Хвостов в своих показаниях извращает роль отдельных лиц, выдвигавших его в министры. По словам Хвостова, Николай относился к нему благосклонно, интересовался им, но А. Ф. не давала согласия на его назначение; равным образом, будто бы мешал этому и Распутин. ³

Это, как мы видели, в корне неверно: именно Николай колебался целый месяц в вопросе о его назначении, тогда как А. Ф. вела все это время энергичную кампанию в его пользу, найдя поддержку и у Распутина.

Что касается Андроникова, то Хвостов, хотя и признает, что он «принимал некоторое участие» в его назначении, но уже этими словами преуменьшает роль, сыгранную Андрониковым: в действительности, именно Андроников, в полном смысле слова, сделал Хвостова министром.

В результате, все это дело показывает, что сам Хвостов, пытавшийся бороться с «немецким засильем», попал в министры только для защиты германского капитала и, таким образом, сам пал жертвою этого «засилья».

Добавим к этому, что, как мы отмечали, позднее Андроников был отстранен от себя Распутиным и Романовыми; но у «Общества 1886 г.» были и другие мощные защитники, так что твердая его позиция не поколебалась. Московская городская дума, во главе

¹ Письменные показания Белецкого.

² «Падение царского режима», т. I, стр. 22.

³ Там же, стр. 6—7.

с кадетом Челноковым, не переставала, однако, настаивать на ликвидации «Общества» вплоть до революции. Дело кончилось тем, что «Общество» не только не было закрыто, но получило в конце 1916 г. от прислуживавшегося к Распутину министра торговли и промышленности кн. Шаховского гарантии на заем в банках на 4 миллиона рублей.¹

Так окончилась эта длительная борьба, где на одной стороне выступала московская буржуазия, на другой — германское электоральное общество, поддерживавшееся могущественным германским трестом, связанным с германскими же банками и с Русским Международным банком, простыми агентами которых были в этом деле как кн. Андроников, так Распутин и А. Ф. Романова.

По связи с именем А. Н. Хвостова мы перейдем теперь к характеристике обстоятельств карьеры (правда — неудачной) графа В. С. Татищева.

Хвостову, когда он стал министром, захотелось иметь, в качестве министра финансов, своего человека; это ему нужно было, прежде всего, для беспрепятственного раскрадывания десятиmillionного фонда, отпущенного Хвостову для подготовки выборов в V Думу. Следуя старому фамусовскому принципу, Хвостов решил провести в министры финансов своего «человечка», графа Татищева.

Татищев — довольно крупная фигура в банковском и промышленном мире. Он был председателем правления и директором Соединенного банка (в Москве), председателем правления Товарищества для торговли в Персии и Средней Азии, участвовал в крупнейших золотопромышленных, железнодорожных и страховых предприятиях.

В ноябре 1915 г. А. Ф. Романова, по инициативе А. Н. Хвостова и при поддержке Распутина, выдвигает в письмах к Николаю кандидатуру этого Татищева в министры финансов. Надо сказать, что тогдашний министр финансов Барк хотя и старался, по мере сил, лакействовать перед Распутиным (как ранее перед кн. Мецкерским, благодаря которому и Манусу Барк стал и министром), но, видимо, все-таки не в той мере, которая вполне обеспечивала благосклонность Романовых. К тому же Барк скомпрометировал себя в их глазах участием в коллективном заявлении министров по поводу смены в. к. Николая

¹ «Финансовая Газета», 1916 г., № 371, от 7 декабря.

Николаевича, — и этого А. Ф. простить ему не могла.¹ Таким образом, у Барка не было здесь устойчивой почвы, а Хвостову, как мы видели, хотелось приставить к русским финансам своего родственника.

В связи с такими обстоятельствами А. Ф. писала своему мужу, 13 ноября 1915 г., между прочим, следующее:

«Знаешь ли ты графа Татищева (банковского) из Москвы? Я думаю, это сын или племянник старого генерал-адъютанта. Он очень предан тебе, говорят, что ты его знаешь — он очень любит Григория, не одобряет московское дворянство, к составу коего принадлежит; уже далеко не молод. Он приходил к А.² поговорить, — видит ясно ошибки, сделанные Барком, — вероятно, относительно займа и его фатальных последствий. Наш Друг говорит, что Татищеву можно доверять, — он богат и хорошо знаком с банковским миром. Было бы хорошо, если бы ты повидал его и выслушал его мнение. Она говорит, что он очень симпатичен. Я могу с ним познакомиться. Но только моя голова, я уверена, никогда не разберется в денежных делах — я так их не люблю. Но он мог бы изложить тебе свой взгляд на дело и помочь тебе советом».³

Через некоторое время (19 декабря) А. Ф. вновь поддерживает кандидатуру Татищева, указывая вместе с тем на непригодность Барка. Про последнего она, между прочим, пишет:

«...Он сам не чувствует себя очень твердо на своем посту с тех пор, как подписал это письмо с другими министрами, которые с тех пор почти все вышли в отставку, — и поэтому старается более или менее поладить с партией Гучкова. Говорят, что умный министр финансов мог бы легко поймать Гучкова в ловушку и обезвредить его, лишив его денег от евреев».⁴

Оказывается, что к этому времени гр. Татищев уже успел добиться свидания с А. Ф. Романовой, и она сообщала тогда Николаю о своих личных впечатлениях: «он знающий человек, знает и глубоко уважает нашего Друга и в отличных отношениях с Хвостовым — даже в родстве с ним, — человек очень преданный и желающий только блага тебе и России».

¹ См. здесь, стр. 93 — 94.

² Т. е. к Анне Вырубовой.

³ «Переписка», т. III, стр. 455 — 456.

⁴ Там же, стр. 501.

Вся сила аргументации применяется А. Ф. для того, чтобы заставить Николая согласиться на предлагаемое назначение:

«Его (Татищева) имя на устах у многих, — утверждает А. Ф. — На него указывают, как на человека, способного спасти финансовое положение и исправить ошибки, сделанные Барком. Он человек с независимыми убеждениями, не ищет личных выгод, богат, князь¹ и враг партии Тютчевых и Самариных. — «Он свой человек, наш и нас не предаст», как говорит Хвостов. А его любовь к нашему Другу является несомненным благословением и преимуществом. Подумай и поговори о нем с Хвостовым при свидании. Он, конечно, не в праве вмешиваться в дела, которые его не касаются, но они очень дружно работали бы вместе! Он ненавидит Гучкова и всю московскую клику и произвел на меня очень хорошее впечатление. Андроников без всякой причины отзывался некрасиво о Татищеве Воейкову, в чем он сам потом сознался».

А. Ф. настойчиво советует Николаю повидать Татищева:

«Повидай его, когда приедешь, и поговори с ним по душе».

А. Ф. утверждает, что если назначить Татищева, то «совет министров станет работать более дружно — все наладится, — кроме того, они будут защищать нашего Друга из любви к тебе и уважения к нему».²

А. Ф. расхваливала так Татищева под влиянием А. Н. Хвостова и Распутина. Почему Хвостов выдвигал Татищева — это мы видели. — Но является вопрос: почему Распутин так рекомендовал графа Татищева? Дело объясняется просто: граф оказывал семье Распутина «материальную поддержку», которая выражалась в крупной сумме — чуть ли не в 100 тысяч рублей.³

Не довольствуясь подкупом Распутина Татищев, для большего успеха дела, свел знакомство с митрополитом Питиримом, с Вырубовой, со Штюмером, с дворцовым комендантом генералом Воейковым; последнему Татищев предложил услуги Соединенного банка по организации акционерного общества для эксплуатации источника воды «Кувака» (чем раньше Воейков промышленял единолично), и дворцовый комендант, приняв эти услуги, установил с графом Татищевым «хорошие отношения».

¹ А. Ф. так увлекается расхваливанием, что даже называет Татищева князем, хотя он был только — графом.

² «Переписка», т. III, стр. 501 — 502.

³ Показания Беледкого в Следственной комиссии. — допрос 5-й.

Вместе с тем, для лучшего воздействия на самого Распутина и устройства с ним частых свиданий, Татищев приставил к нему специальную агентуру в лице своего двоюродного брата, родственника министра внутренних дел А. Н. Хвостова, помощника директора Соединенного банка И. С. Хвостова, — при чем последний денег на это дело (банковских) «не жалел».¹

Но графу Татищеву всего этого казалось еще недостаточным: министр финансов — такой пост, устойчивое положение на котором во многом зависело не только от русских, но и от «союзных» с ними французских капиталистов. Поэтому Татищев принял меры к популяризации своего имени во французской печати. Была написана особая статья для французской газеты «Temps», в которой намекалось на желательность привлечения к власти графа Татищева. Устроить эту статью во французской газете и вообще вести агитацию в пользу гр. Татищева в печати взялся Манасевич-Мануйлов, получивший за это 25 тысяч рублей.²

Однако, несмотря на эти взятки Распутину и энергичную, вследствие этого, агитацию А. Ф. Романовой, назначение Татищева министром не состоялось. Это был редкий и почти исключительный случай, когда рекомендация Распутина не дала желаемого результата. Но успеху дела помешала другая перекрестная кампания, ведшаяся опять-таки при помощи Распутина... Назначению Татищева министром воспрепятствовал, как оказывается, Манус, который действовал также через Распутина.³

Таким образом, при посредстве одного Распутина шли две противоположных комбинации. Распутин, видимо, сам не вполне разбирался в том, за кого выгоднее стоять: за Татищева или за Барка. Но если в комбинации Мануса на этот раз не входила смена Барка, то это не означает, конечно, что через некоторое время тот же Манус не мог бы занять противоположную позицию: достоинство или пригодность министра финансов рассматривались в данном случае только с точки зрения успеха биржевых комбинаций Мануса.

В этом отношении тот же Хвостов приводит характерный рассказ об эпизоде с письмом, полученным Манусом от Саблина

¹ Все обстоятельства кандидатуры Татищева подробно изложены в письменных показаниях Беледкого.

² Это показывал сам Манасевич-Мануйлов на суде по его делу — см. отчеты в «Русской Воле», с 14 по 19 февраля 1917 года.

³ Показания А. Н. Хвостова в Следственной комиссии, допрос 2-й.

(приятеля Николая II). Письмо было такого приблизительно содержания:

«Вы, Иван Порфирьевич (так звали Мануса), мне не приказывайте ругать Барка: вы три дня тому назад приказывали хвалить его — я его хвалил... Как же возможно сразу его ругать?».¹

«Ругать» и «хвалить» нужно было в Царском Селе или в ставке — перед Николаем или перед Александрой Федоровной. И что записка могла быть такова, — не текстуально, конечно, а по смыслу, — это вполне вероятно, хотя бы уже потому, что Саблин, действительно, исполнял роль посредника между Романовыми и Манусом.

Позднее, против Татищева было возбуждено обвинение в «государственной измене» (108 ст. угол. улож.). Повидимому, некоторую роль играла здесь интрига того же Манасевича - Мануйлова, мстившего Татищеву за то, что, по инициативе его товарища по Соединенному банку И. С. Хвостова, Манасевич был предан суду. Тем не менее какие-то темные дела за Татищевым были, и для того, чтобы парализовать все обвинения, Татищев прибег к помощи Протопопова, которому выдал 100 тысяч рублей «на покушку муки» для «лавок общества борьбы с дороговизной». Муки Протопопов, конечно, не покупал, но для того, чтобы пресечь возникшие против Татищева обвинения, решил, в противовес деятельности комиссии Батюшина, преследовавшего этого банковского дельца, назначить «наблюдающим за ходом следственных дел в этой комиссии» известного Белецкого, который Татищева защищал.² Таким образом, возникавшие против Татищева обвинения (повидимому, связанные с прикосновенностью к немецкому капиталу) могли бы быть легко заматы.

2.

С именем Распутина связана широкая «деятельность» двух видных фигур умирившей монархии — Рубинштейна и Манасевича-Мануйлова.

Рубинштейн был одним из наиболее близких к Распутину людей; во всяком случае, у них были не менее тесные отношения, чем те, которые у Рубинштейна существовали с различными банками и биржей. В последней сфере он был лицом довольно

¹ «Падение царского режима», том I, стр. 17.

² Письменные показания Белецкого.

крупного калибра.¹ Так, он состоял директором и членом правления Русско-Французского банка, директором правления общества Петро-Макарьевских и Варваропольских каменноугольных копей, Русского акционерного общества для эксплуатации Тапинских каменноугольных копей и антрацитовых рудников в Донецком бассейне, страхового общества «Волга», Петроградского общества страхования, членом правления Елисаветградского электрического общества и проч. Этот перечень ясно показывает, в каких отраслях промышленности «работал» Рубинштейн.

Что касается Манасевича-Мануйлова, то хотя он не посвятил себя специально этого рода деятельности, но, конечно, занимался биржевой спекуляцией и наживал на этом не одну сотню тысяч. Секретный агент департамента полиции, нововременский журналист и аферист, Манасевич-Мануйлов играл крупную роль при Распутине и Штюрмере и, в сущности, даже и определил последнего в министры.² Для нас интересно, главным образом, то, что Манасевич, состоя при Распутине и Штюрмере, был вместе с тем и агентом некоторых крупных банковских дельцов; в частности, Манасевич, в качестве сотрудника «Нового Времени», состоял, как увидим ниже, на секретной службе у того же Рубинштейна, владевшего значительным количеством акций этой газеты.

Конечно, все то, что мы будем говорить о Рубинштейне и Манасевиче, интересно не по личности их самих, но по тому, что эти, в конце концов, мелкие пешки характеризуют не только самих «королей», но и проливают свет в некоторые, весьма характерные, тайники правительственной политики.

10 июля 1916 г. Рубинштейн был арестован военными властями: несмотря на то, что он был директором Русско-Французского банка, [он был заподозрен в спекулятивных операциях с немецким капиталом (в чем, конечно, принимая во внимание интернациональность капитала, нет ничего удивительного)]. Против Рубинштейна возникли, между прочим, обвинения в том, что он производил учет векселей «Немецкого Банка» в Берлине и выплачивал, через нейтральные банки, деньги кредиторам Русско-Французского банка, состоявшим в германском и австрийском подданстве. Рубинштейну также инкриминировалась продажа Русско-Французским банком акций общества «Якорь» некоему Висту, что, по заключению следственных властей, могло «послужить

¹ Один перечень его финансовых и промышленных «должностей» занимает в адресной книге «Весь Петроград» 17 строк.

² См. ниже.

в пользу неприятелю», ставилось также в вину взимание высокого комиссионного вознаграждения, в связи с теми заказами, которые выполнялись за границей представителями русского интендантства; следственные власти находили, что таким путем Рубинштейн также «способствовал неприятелю». Кроме того, он обвинялся в спекуляции хлебом на Волге и пр.¹

Рубинштейну по некоторым из этих его «дел» было предъявлено обвинение по 108 ст. уголовн. уложения («государственная измена»). Следственное производство по этому делу захватило несколько судебных округов.

Мы не знаем, насколько справедливы были эти обвинения, а потому, не касаясь существа этого дела, мы отметим лишь его последствия, которые представляются весьма характерными.

Когда Рубинштейн был арестован, то перед Распутиным и А. Ф. Романовой встала задача добиться его освобождения: к этому они приложили все свои энергичные усилия.

Первые просьбы А. Ф. за Рубинштейна мы встречаем в письме ее к Николаю от 26 сентября 1916 г.; ссылаясь на мнение Распутина и его прислужника Протопопова, А. Ф. просит Николая, чтобы Рубинштейна «потихоньку услали в Сибирь и не оставляли бы здесь для раздражения евреев».²

Приплетая сюда ни с того ни с сего евреев, А. Ф. всю вину за это дело пытается свалить на ярого своего врага, Гучкова: ссылаясь на мнение Протопопова, А. Ф. уверяет Николая, что это Гучков подстрекнул военные власти схватить Рубинштейна, в надежде найти доказательства «против нашего Друга» (т. е. Распутина). «Конечно, — прибавляет А. Ф., — у него (Рубинштейна) были некрасивые денежные дела, но не только у него одного».

В следующем письме (27 сентября) А. Ф. настойчиво добивается, чтобы Николай переговорил об этом деле с Протопоповым.³ Но так как ожидаемое решение Николая (находившегося в ставке под некоторым влиянием ген. Алексеева) несколько запаздывает, то в дело вмешивается сам Распутин и шлет Николаю следующую телеграмму (11 октября):

«Ставка. Государю Императору.

Очень кротко и ласково беседовали с Калининым,⁴ умоляет, чтобы ему никто не мешал, также контр-разведка пусть ведет

¹ «Русское Слово», 17 января 1917 г., № 13 — «Дело Рубинштейна».

² «Письма А. Ф.», т. II, стр. 202.

³ Там же, стр. 205.

⁴ Кличка Протопопова.

свое дело. Ласково беседовали об узнике, по-христиански. Напиши им всем, чтобы чаще беседовали, они послушают тебя, все-таки дай власть одному, чтобы работал разумом. Новый».¹

«Узник», о котором идет речь, это и есть Рубинштейн.

Через некоторое время (31 октября) А. Ф. сообщает Николаю сенсационную новость: «Рубинштейн умирает»² (что не мешает ему здравствовать и поныне где-то за границей). Так как Рубинштейн был арестован по распоряжению военных властей, то А. Ф. предписывает Николаю:

«Телеграфируй или дай Алексею приказание немедленно телеграфировать Рузскому передать Рубинштейна из Пскова министру внутренних дел (лучше телеграфируй сам, тогда он исполнит сейчас же)».

Все это А. Ф. высказывает, очевидно, согласно воле Распутина, так как в этом же письме она, уже прямо ссылаясь на его просьбу, настаивает также на прекращении дела Сухомлинова и даже сообщает текст телеграммы, какую Николай должен послать об этом последнем деле Штюмеру.

В двух следующих письмах (от 1 и 3 ноября) А. Ф. настойчиво напоминает мужу о Рубинштейне. В результате всех этих хлопот дело Рубинштейна передается министру юстиции, и 6 декабря Рубинштейн освобождается.

Здесь есть еще одно весьма характерное обстоятельство: А. Ф. требовала, чтобы это дело передали министру внутренних дел (т.-е. Протопопову), который, конечно, и освободил бы немедленно Рубинштейна. Но такая передача министру внутренних дел, который к этому делу, по своей должности, никакого отношения иметь не мог, вызвала бы, вероятно, некоторые подозрения у арестовавших Рубинштейна военных властей. Этого приходилось избегать; поэтому было решено передать дело министру юстиции (что было, по существу, и правильнее). Но министром юстиции был в это время Макаров, нерасположенный к Распутину. Что оставалось делать? Пустяки: просто взять и сменить Макарова.

К кампании против этого последнего, которая развивалась в связи как с этим делом, так и с некоторыми другими, мы еще вернемся, а теперь скажем о деле Манасевича-Мануйлова.

Почти в одно время с кампанией за освобождение Рубинштейна, Александре Федоровне и Распутину пришлось вести борьбу в защиту другого афериста, ближайшего советника Штю-

¹ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 211; телеграмма приведена в примечаниях.

² Там же, стр. 223.

У мера, Манасевича - Мануйлова, арестованного 20 августа 1916 г. по обвинению в шантаже и служебном взяточничестве.

10 декабря 1916 г. А. Ф. писала Николаю:

«На деле Мануйлова прошу тебя надписать «прекратить дело» и переслать его министру юстиции. Батюшин,¹ в руках которого находилось все это дело, теперь сам явился к А.² и просил о прекращении этого дела, так как он, наконец, убедился, что это грязная история, поднятая с целью повредить нашему Другу, Питириму и др., и во всем этом виноват толстый Хвостов.³ Ген. Алексеев узнал об этом после от Батюшина. Иначе — через несколько дней начинается следствие — могут снова подняться весьма неприятные разговоры, и снова повторится этот ужасный прошлогодний скандал. Так вот, пожалуйста, сейчас же, не откладывая, отошли дело Мануйлова Макарову, иначе будет поздно».⁴

Здесь мысль А. Ф. опять встречается с этим неприятным Макаровым: могут быть «неприятные разговоры», если это прекращение дела Мануйлова пойдет через его руки. Таким образом, и отсюда следовало, что Макарова лучше бы, на всякий случай, уволить.

А. Ф. вполне справедливо указала в цитированном письме на тот мотив, по которому распутинской клике необходимо было замять дело Мануйлова; такими же мотивами, как А. Ф., руководился и вдохновлявший ее Распутин, несколько, впрочем, теперь охладевший к Мануйлову. Относительно этих мотивов Распутина приведем характерные слова Белецкого: «Если, — говорит он, — Распутин до своей смерти поддерживал Мануйлова, то действовал в данном случае не в силу своего особого расположения к Мануйлову и не под влиянием полученного им от Мануйлова подарка в 5 000 рублей, бриллиантового кольца, купленного для старшей дочери Распутина Мануйловым у Симановича (после выбора бриллианта Вырубовой), а исключительно в своих личных интересах, боясь каких-либо о себе разговоров на суде».⁵

✓ Кроме борьбы за освобождение Рубинштейна и Мануйлова распутинский круг был крайне заинтересован в рассматриваемое время вопросом о прекращении дела Сухомлинова. Это последнее

¹ Батюшин, генерал-майор, руководил комиссией, расследовавшей деятельность банков.

² Т.-е. к Вырубовой.

³ А. Н. Хвостов, бывший министр внутренних дел.

⁴ «Семейная переписка Романовых» — «Красный Архив», т. IV, стр. 176.

⁵ Письменные показания Белецкого в Следственной комиссии.

не входит в пределы настоящей нашей темы, и, если мы указываем на него, то только потому, что та кампания, о которой мы дальше будем говорить, имела целью достигнуть благополучной ликвидации судебных дел всех трех указанных лиц.

Пред Распутиным и А. Ф. Романовой встал, как мы видели, в это время вопрос о необходимости смены министра юстиции, которым был противник Распутина Макаров.

Надо сказать, что Макаров был назначен (7 июля 1916 г.) помимо желания Распутина и А. Ф., и последняя сразу же выразила мужу неудовольствие по поводу этого назначения.¹ Но до ноября его пребывание в качестве министра не имело особенно актуального для распутинской группы значения, и только в ноябре, в связи с вопросом о назначении судебного разбирательства трех отмеченных дел, явилась, как мы видели, острая необходимость сменить Макарова. К этому и направляются теперь все усилия Распутина.

10 ноября 1916 г. А. Ф. осторожно советует Николаю: «Макарова можно было отлично сменить — он не за нас».² 5 декабря А. Ф. сообщает Николаю уже решительно: «Распутин умоляет, чтобы скорее сменили Макарова, и я вполне с ним согласна».³ В этом же письме упоминается впервые, в качестве подходящего человека, фамилия Добровольского, который через некоторое время и заменил Макарова.

В следующем письме к Николаю (6 декабря) А. Ф. снова настаивает: «поскорее отделайся от Макарова, не мешкай (прости меня); мне лично хотелось бы, чтобы ты взял Добровольского». При этом А. Ф. добавляет: «Повидимому, история, рассказанная тебе Треповым, неверна (есть однофамилец его — тоже сенатор)».⁴

«История», про которую было известно Николаю, заключалась в имевшихся сведениях о взятках, которые брал Добровольский, — и, вопреки уверениям А. Ф., именно этот.⁵ Кандидатура этого лица была выставлена одним из близких к Распутину афе-

¹ «Письма А. Ф.», т. II, стр. 143.

² Там же, стр. 237.

³ «Красный Архив», т. IV, стр. 163.

⁴ Там же, стр. 166.

⁵ По имеющимся у нас сообщениям, вопрос о взяточничестве Добровольского соединился с так называемым «нефтяным делом» — о сдаче в аренду нефтяных участков в Баку (Сабунчи, Биби-Эйбат и др.). Министерство финансов сдало эти участки с торгов одному из крупнейших нефтепромышленников; мелкие претенденты на это, найдя в этом какие-то несправильности, обжаловали дело в Сенат (где и был обер-прокурором Добро-

ристов — неким Симановичем (раньше был мелким ювелиром, а в это время — ростовщиком).¹ Но сам Распутин (быть может, и не посвященный в тайные ходы Симановича, имевшего, как будет видно далее, свои особые на этот счет соображения) высказывался против этой кандидатуры, находя, что нельзя делать министром юстиции «заурядного мошенника»² (незаурядного, — очевидно, можно). Однако, позднее Распутин изменил это мнение и согласился на это назначение, — конечно, потому, что Рубинштейн, настаивая, через Симановича, на назначении Добровольского, пообещал крупную взятку Распутину.

В результате, после еще нескольких ударов А. Ф. по Макарову, — последний 20 декабря 1916 г. увольняется от должности министра. На его место назначается «заурядный мошенник» Добровольский.

Следует, однако, сказать, что приказание о прекращении дела Манасевича было отдано Николаем еще министру Макарову. Приказание это было результатом требований А. Ф. (см. письмо ее к Николаю от 10 декабря, цитированное выше). Николай сообщил свое распоряжение Макарову следующей телеграммой от 14 декабря 1916 г., которая была передана шифром:

«Повелеваю вам прекратить дело о Мануйлове и не допустить его до суда. Николай».³

Вследствие этого распоряжения, назначенное к слушанию в суде на 15 декабря дело Манасевича было тогда отложено, за «неявкой свидетелей», Манасевич же был освобожден.

Что касается Рубинштейна, то он был освобожден (6 декабря) также еще до увольнения Макарова, но помимо его; однако, дело Рубинштейна прекращено не было.

Когда Добровольский был назначен министром, то он должен был, прежде всего, выполнить свою главную миссию: совсем прекратить дело Рубинштейна.

Чтобы заставить Добровольского это сделать, к нему был направлен тот самый аферист Симанович, благодаря которому этот министр получил свой пост. Симанович настаивал на прекращении дела Рубинштейна и указал, что последний обещал за вольский). В связи с рассмотрением этого дела Сенатом, оставившим в силе договор о сдаче участков, Добровольский, согласно циркулировавшим слухам, обвинялся во взяточничестве.

¹ Письменные показания Белецкого.

² «Падение царского режима», т. II, стр. 62 — показания Манасевича-Мануйлова.

³ С подлинника.

это «чуть не полмиллиона». ¹ Однако, Добровольский принять взятку, повидимому, не решился.

В дальнейшем Добровольскому не удалось вполне удовлетворить требованиям распутинцев. Дело в том, что для того, чтобы держаться на посту министра, приходилось лавировать между руководящим распутинским центром и Думой, а также отвечать в ней на возможные думские запросы, — это создавало некоторые осложнения, тем более, что в январе предстояло в Думе обсуждение бюджета министерства юстиции; тогда (это было 21 января 1917 г.), действительно, были сделаны запросы о «делах» Рубинштейна, Манасевича и Сухомлинова. Таким образом, из боязни Думы, не пришлось все-таки прекратить этих дел.

Но это уже вопрос второстепенный. Для характеристики режима важно то, что биржевым дельцам — Рубинштейну, Симановичу и Мануйлову удалось, через Распутина и А. Ф. Романову, добиться даже смены министра юстиции, в целях ликвидации компрометировавших их (и Романовых) судебных дел. В борьбе за эту цель образовался своеобразный «единый фронт»: русская императрица (а за ней и император), Распутин, Рубинштейн, Симанович, Мануйлов. Интересы биржевых дельцов здесь резко и наглядно сочетались с интересами Романовых. И ради беспрепятственного продолжения финансовых спекуляций Рубинштейнов пророчески звучал голос Распутина.

Впрочем, в обстоятельствах смены Макарова, в конце концов, нет ничего удивительного: министры увольнялись мошенниками — ими же они и назначались; ведь, и сам Штюрмер, председатель совета министров, занял свой пост, главным образом, по настоянию того же Манасевича-Мануйлова, — последний был инициатором и той кампании, которая, в конце концов, привела к увольнению Штюрмера.

Расскажем вкратце об этом, по связи с именем Мануйлова, для характеристики той системы, при которой министры избирались разными аферистами и спекулянтами.

Когда встал вопрос об отставке Горемыкина, то в «сферах» затруднялись найти ему преемника; делу помог Манасевич-Мануйлов, указавший на Штюрмера митрополиту Питириму, — тот, не знавший лично Штюрмера, познакомился с ним и обратил на него внимание Распутина; последний же указал на него А. Ф. Романовой, и она вполне поддержала это назначение. Дальнейшее про-

¹ «Падение царского режима», т. II, стр. 326 — показания Добровольского.

талкивание Штюмерера в министры происходило все время при энергичной работе Мануйлова, действовавшего всеми доступными ему средствами.

Надо к этому прибавить, что Штюмерер давно уже делал попытки стать министром, при чем поддерживался влиятельными «правыми», для объединения которых образовал даже свой «политический салон». Но все усилия этих «правых» не имели успеха, пока за дело не взялся Манасевич-Мануйлов.¹

Начатая А. Ф. кампания в пользу Штюмерера развивалась энергично. Видимо, уже раньше поговорив о Штюмерере с Николаем, А. Ф. возбуждает затем этот вопрос в письмах к нему: «Душка, — пишет ему А. Ф. 5 января 1916 г., — в самом деле, ты думаешь ли теперь серьезно о Штюмерере. Я думаю, что стоило бы рискнуть его германским именем, так как мы знаем, какой он настоящий человек...»² и т. д. В следующем письме А. Ф. уверяет Николая, что голова у Штюмерера «совсем достаточно свежа».³ Потом, ссылаясь на мнение Распутина, А. Ф. указывает Николаю, чтобы он взял Штюмерера «по крайней мере на время, так как он такой решительный и лойяльный человек и будет держать других в руках».⁴ После этих указаний Штюмерер был назначен (20 января 1916 г.) председателем совета министров.

Но Штюмерер не имел, видимо, «достаточно совсем свежей головы» и потому постарался сразу же найти для своего пользования чужую подходящую голову; она оказалась у его старого «сподвижника» Гурлянда, который и стал ближайшим советником Штюмерера по вопросам внутренней политики. Гурлянд вместе с тем сразу после этого тесно сблизился с банками, «войдя членом правления, с крупным окладом, в некоторые частные общества и выгодно помещая свой капитал в биржевую игру через банк Утина».⁵ «Банк Утина» — это Петроградский Учетный и Ссудный банк, председателем правления которого этот Утин состоял; этот же Я. И. Утин был и председателем синдиката всех частных банков.⁶

¹ Письменные показания Белецкого.

² «Письма А. Ф.», т. I, стр. 353.

³ Там же, стр. 359, письмо от 7 января.

⁴ Там же, стр. 365, письмо от 9 января.

⁵ Письменные показания Белецкого. Банки пристроили не только самого Гурлянда, но даже и его брата; последний при посредстве того же Утина составил себе «завидное в материальном отношении служебное положение», получив возможность принять участие «в разного рода акционерных и банковских предприятиях» (там же).

⁶ Об этом см. далее, глава 4.

Отметим кстати, что когда было решено возбудить дело Рубинштейна, то Гурлянд был обвинен в том, что при его посредстве последний узнал об ожидающем его аресте.¹

Влияние Гурлянда (официально состоявшего членом совета министра внутренних дел) на Штюмерера стало вскоре несколько пересаливать роль при нем Манасевича-Мануйлова. Последний начал обвинять Штюмерера в неблагодарности к себе, как к лицу, поставившему его в министры. В связи с этим Манасевич, сначала осторожно, потом более решительно, начал кампанию против Штюмерера, возбудив, в конце концов, против него всех его покровителей. Это было для Штюмерера серьезной опасностью, — поэтому он должен был пойти на уступки. Тогда Манасевич, чтобы обеспечить себе первую роль, выставил, — по словам Белецкого, — проект о необходимости создать при Штюмерере «как бы особый сверх-департамент полиции, учреждение совершенно законспирированное от всех высших правительственных лиц и установлений (в том числе, в особенности, от департамента полиции),² которое имело бы во главе, в качестве руководителя, полковника Резанова, а Мануйлова — в роли его помощника». ³ Пользуясь особым широким кредитом из военного фонда, этот «сверх-департамент» мог бы, — по словам Белецкого, — «при помощи огромной сети своей агентуры, освещать для председателя совета министров не только политическое и общественное настроение империи, но и сферу дипломатическую, не исключая дружественных нам держав, в особенности Англии, торговлю и промышленность, печать — русскую и заграничную, все министерства, законодательные палаты, а также настроение армии и флота, как на театре военных действий, так и внутри империи». Эта мысль очень понравилась Распутину, — «и только арест Мануйлова, а затем последовавшая в скорости после этого смена Штюмерера на посту министра внутренних дел приостановили приведение ее в исполнение».⁴

Таким образом, этот план Манасевича, наделявший его почти неограниченной властью, не осуществился, и сам он попал в тюрьму. Но веденая им против Штюмерера агитация не прошла бес-

¹ Доклады Штюмерера Николаю II, сводка от 1 августа («Монархия перед крушением»).

² Директором его был Климович — противник Манасевича-Мануйлова.

³ Это не помешало бы Манасевичу играть первую роль, так как Резанов был у него в руках.

⁴ Письменные показания Белецкого.

следно — доверие к Штюмеру было подорвано, в чем, конечно, кроме усилий Манасевича, был и ряд других причин; тем не менее, — по словам Белецкого, — Манасевич «сыграл не малую роль» в том, что Штюмер был уволен.

От всех этих эпизодов, характеризующих то, как по воле отдельных распутинских аферистов назначались и увольнялись министры, мы, по связи с именами Рубинштейна и Манасевича, перейдем к вопросу о их «газетной деятельности». Она касается суворинской газеты «Новое Время» и представляет некоторые весьма характерные штрихи.

Отметим прежде всего, что германское правительство еще до войны делало попытку подкупить суворинскую газету. Об этом в Госуд. Думе 1 ноября 1916 г. заявлял Милоков, в связи с именем Манасевича-Мануйлова;¹ подробнее говорил об этой же истории Милоков в своих показаниях в Следственной комиссии, и будет небезынтересно привести здесь это показание.

«Это было, — говорит Милоков, — в то время, когда Извольский состоял министром иностранных дел. К нему явился Пурталес,² очень смущенный, и, заявив, что он попал в чрезвычайно неприятное положение, рассказал ему историю, о которой Извольский раньше знал — именно о попытке подкупа одного из сотрудников «Нового Времени». При этом указывалась довольно солидная сумма, — кажется 800 тысяч, — которая была дана в распоряжение Пурталеса для этого подкупа. Посредником при этой операции взялся быть Манасевич, который и сделал это предложение. Мне говорили, что он сделал это предложение Пиленко,³ который отказался и прогнал его.⁴ Он об этом факте отозвался уклончиво, но, так как я имел сведения от Извольского, а Извольский сослался на Пурталеса, то это для меня было несомненным фактом, который давал мне возможность на это сослаться,⁵ характеризуя Манасевича».⁶

¹ «Стенографический отчет Госуд. Думы», 1 ноября 1916 г.

² Германский посол в России.

³ Сотрудник «Нового Времени», профессор Петерб. университета.

⁴ В Госуд. Думе, в заседании 19 ноября 1916 г., Пуришкевич заявлял, что в 1909 г., во время боснийского кризиса, товарищ министра иностр. дел Чарыков получил от проф. Пиленко папку документов, указывавших, что тогда была сделана попытка «создать в России орган печати, политически и экономически обслуживающий германские интересы». («Стеногр. отчет. Гос. Д.», стр. 280.)

⁵ В Госуд. Думе.

⁶ 2-е показание Милокова в Следств. комиссии. — В своей думской речи Милоков был «очень рад сказать», что, после попытки подкупа газеты,

Значительно позже, в 1915 г., возник вопрос о продаже акций того же «Нового Времени», хотя не немцам, но Рубинштейну; этот вопрос отражается в переписке Романовых. Но Рубинштейн тогда еще не пользовался защитой А. Ф. Романовой и, видимо, был ей еще неизвестен. Вот что она пишет 19 декабря 1915 г. Николаю:

«Хвостов¹ и многие другие благонамеренные люди находят Барка не на высоте положения. Во всяком случае, он Хвостову не помогает — давно уже у него просили денег для частичного подкупа «Нового Времени» (к сожалению, министры сказали об этом Барку, а не Хвостову, которому бы это, наверное, удалось, — тогда как Б. медлит по собственным соображениям), — и в результате газету подкупают Гучков с евреями, Рубинштейнами и т. п. и помещают свои тенденциозные статьи».²

Участие в этом деле такого опасного, по представлению Романовых, человека, как Гучков, было, несомненно, одним из поводов того, что А. Ф. запротестовала против этой сделки.

Надо кстати заметить, что самый вопрос о подкупе «Нового Времени» Хвостовым стоит в связи с имевшимся тогда в правительстве планом о воздействии на печать (официально это мотивировалось подготовкой к созыву Г. Думы); на осуществление этого плана отпущен был кредит из особого 10-миллионного фонда.

Однако, несмотря на тревогу А. Ф., Хвостов, как оказывается, все-таки не бездействовал; за три дня до цитированного письма А. Ф. Хвостов писал Горемыкину следующее:

«По поводу обсуждавшегося при моем участии вопроса о желательности приобретения большинства паев товарищества

«сотрудники «Нового Времени» выпытали Манасевича-Мануйлова из своей квартиры». Однако, факты говорят обратное: из справки, данной самим «Новым Временем» на суде по делу Манасевича-Мануйлова в феврале 1917 г., видно, что последний работал в «Новом Времене» с 1890 г. и получал сперва мало, но с 1912 г. его гонорары резко увеличились, и Манасевич стал здесь зарабатывать свыше 10 тысяч рублей в год. В общем за все время работы в «Новом Времене» он получил около 75 тысяч и, кроме того, приблизительно такую же сумму в «Вечернем Времене».

Таким образом, никто Манасевича из нововременской среды не выкидывал, а наоборот — после эпизода с подкупом Манасевич вскоре начал в этой газете процветать. (См. отчеты о процессе Манасевича-Мануйлова в «Русской Воле» с 13 по 18 февраля 1917 г.)

¹ А. Н. Хвостов — министр внутр. дел.

² «Переписка», т. III, стр. 501.

«Новое Время», имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что ныне мне удалось приостановить сделку, которую предполагал заключить банкир Д. Л. Рубинштейн с Анастасией Алексеевной Сувориной и ее матерью, и потому теперь представляется удобный случай срочно приобрести принадлежавшие последним паи названного товарищества».¹

Переговоры об этом было поручено вести Белецкому. Он говорит об этом так:

«Мною были начаты переговоры с А. А. Сувориной (дочерью покойного Суворина), акции которой на невыгодных для нее условиях были проданы Русско-Французскому банку, и с ее матерью. Вследствие этого поручения я и познакомился с Д. Рубинштейном, который, после нескольких переговоров, пошел на уступку акций даже с некоторым для себя уроном, но окончить мне это не удалось, так как уже последовал мой уход с должности товарища министра и назначение председателем совета министров Б. В. Штюрмера, который взял это дело в свои руки».²

У нас нет документальных данных о том, чем закончилось это дело, но, повидимому, правительство все-таки перекупило у Рубинштейна проданные ему акции.

В связи с этой историей надо отметить, что Рубинштейн и до этого эпизода имел значительное количество акций «Нового Времени» и играл в нем крупную роль. Но так как непосредственно принимать участие в редакционной работе Рубинштейн не мог, то для этой цели у него состояла на службе не кто иной, как тот же Манасевич-Мануйлов. Обо всем этом сам Манасевич сообщил во время своего судебного процесса. Относительно тех обязанностей, за которые Рубинштейн платил Манасевичу жалованье, последний говорил на суде так:

«Дело в том, что, когда Рубинштейн стал принимать участие в делах «Нового Времени», ему интересно было знать о том, что делается в редакции. Он желал, чтобы я осведомлял его по этой части вместе с одним из других сотрудников.³ Я, конечно, не считал возможным делать это даром. Вот почему я получал от Рубинштейна жалованье».⁴

¹ Письмо это было напечатано в газете «Дело Народа» 1917 г. 2 марта.

² Письменные показания Белецкого.

³ Фамилии последнего Манасевич не назвал.

⁴ См. отчет о процессе Манасевича в «Русской Воле» 1917 г., № 44.

Но несомненно, что, помимо этого осведомления, в обязанности Манасевича входило и влиять, насколько возможно, на направление газеты, согласно получаемым от Рубинштейна директивам.

К этому нелишне, пожалуй, прибавить, что, «осведомляя» за постоянное жалование относительно редакционных дел «Нового Времени» Рубинштейна, Манасевич, вместе с тем, «осведомлял» относительно «работы» самого Рубинштейна комиссию генерала Батюшина, — и полученные от Манасевича данные, очевидно, были очень полезны при возникшем против Рубинштейна обвинении в государственной измене; сам Батюшин признавал, что Манасевич оказал «большие услуги» комиссии.¹ Таким образом, по отношению к Рубинштейну, Манасевич играл явно провокационную роль.

Нас во всей этой истории интересует, между прочим, тот вопрос, что Манасевич, пытавшийся раньше подкупить «Новое Время» на германские деньги через Пиленко, теперь оказался служащим по «Новому Времени» у Рубинштейна, который также был заподозрен в различных комбинациях «работы» с германским капиталом, квалифицированных 108 ст. («государственная измена»).

Нужно, впрочем, сказать, что акции «Нового Времени» Рубинштейн покупал, видимо, не на германские, а на французские деньги (как директор Русско-Французского банка). Возникает вопрос: с какой целью производилась эта покупка. И наиболее вероятный ответ на это тот, что, помимо выгоды этого предприятия, приобретение акций давало вместе с тем французским банкирам возможность воздействовать на русское «общественное мнение» с целью еще более разжигать шовинистические страсти русской буржуазии. «Новое Время» до войны, в сущности, не было вполне «благонадежным» в смысле «союзнической» ориентации. Из числа многих примеров приведем в этом отношении один. В июне 1912 г. Меньшиков в этой газете высказывал такие мысли: «Большую услугу нам и всему свету готовится оказать Германия, собираясь освободить мир от английской морской гегемонии».² Таким образом, «Новое Время» ждало в 1912 г. «услуги» от Германии в ее борьбе с Англией, — и вдруг в 1914 г. получилось обратное положение: «услугу» оказывала Англия, борясь с Германией. Такой поворот на девяносто гра-

¹ См. отчет о прогрессе — «Русская Воля» 1917 г., № 45.

² «Новое Время», № от 21 июня 1912 г.

дусов, надо думать, в некоторой степени и объясняется тем, что большое количество акций газеты принадлежало Русско-Французскому банку.

Эти эпизоды между прочим показывают, что оба участвовавшие в них афериста — Рубинштейн и Манасевич-Мануйлов служили двум богам: и французскому и германскому капиталу.

Рубинштейн скупал (в 1915 г.) акции «Нового Времени», по «работать» в Русско-Французском банке было едва ли очень прибыльно, так как акции этого банка почти в течение всей войны стояли на одной точке и не обнаруживали ни малейшей тенденции к повышению. Поэтому Рубинштейну, видно, ничего не оставалось, как заняться операциями с германским капиталом, что, в конце концов, и привело его к суду.

Что касается Манасевича, то его попытка подкупить «Новое Время» (до войны) по поручению германского посла Пурталеса говорит сама за себя. Но, в качестве агента Рубинштейна по «Новому Времени», Манасевич уже служит, повидимому, французскому капиталу, — однако, все другие его связи в годы войны говорят скорее за то, что он и в это время не отступал от той позиции, на которой стоял, когда вел переговоры с Пурталесом.

3.

Рассматривая ту банковскую среду, которая окружала Распутина, мы остановимся теперь на роли Мануса и возглавлявшейся им банковской и промышленной группы. Имя Мануса, еще при царизме, не раз фигурировало в печати в связи с именем Распутина; теперь их связь подтверждается различными, опубликованными после революции, данными.¹

Манус, по своему удельному весу, был крупнейшей фигурой в промышленно-банковском кругу: он был самым крупным акционером Международного Коммерческого банка,² состоял членом совета Сибирского Торгового банка, директором правления Петроградского Вагоностроительного завода, председателем правления Российского транспортного и страхового общества, и пр.

¹ «Переписка Н. и А. Романовых», «Мемуары Палеолога», «Падение царского режима», статья «Распутин в освещении охранки» («Красный Архив», том V) и др.

² Об этом см. в следующей главе.